

К ИСТОРИИ ФРАКИИ В III В. ДО Н. Э.

(Новая надпись из Месамбрии)

Известно, что письменные источники почти не позволяют составить конкретного представления об истории Фракии и западнопонтийских городов с середины III до середины I в. до н. э. Особенно трудно собрать достоверные сведения о развитии Фракии и западного Черноморья и, в частности, о взаимоотношениях между греческими полисами и фракийским населением страны после уничтожения кельтского государства в Тиле. Поэтому исключительно важное значение имеет новый эпиграфический памятник, недавно найденный в гор. Несебъре (древняя Месамбрия). Это документ, иллюстрирующий взаимоотношения между фракийскими племенами и греческими полисами на западном берегу Черного моря к югу от Балкан в течение почти целого столетия. Надпись была приобретена Бургасским народным музеем в конце 1949 г. и опубликована сотрудником музея Ив. Гълъбовым¹.

Следует указать прежде всего, что по вопросу о чтении и дополнении надписи я почти не расхожусь с И. Гълъбовым: я полагаю только, что начало строки 19-й нужно восстанавливать [εἰς τ]άν, а не [ποτὶ τ]άν и что в конце этой же строки следует читать τὸν κούλ[ων], а не искать здесь названия поселения Навлох или какого-либо другого слова.

Основные разногласия между мной и И. Гълъбовым касаются вопроса о датировке надписи: Гълъбов считает, что надпись близка концу IV — началу III в. до н. э., тогда как по моему мнению надпись может и даже должна быть датирована серединой III в. до н. э. и даже скорее второй половиной столетия². Нужно определять дату новой надписи, исходя не только из эпиграфических памятников Месамбрии и Аполлонии, но принимая во внимание форму букв некоторых сравнительно точно датированных надписей, найденных в Советском Союзе.

Так, по форме букв новой надписи из Несебъра весьма близок фрагмент декрета о проксении из Херсонеса Таврического (IOSPE, I², 340); сходен с нею также и шрифты херсонесской клятвы (IOSPE, I², 401). Укажем, наконец, на надпись боспорского царя Левкона II (IOSPE, II, 15), которая точно датируется второй половиной III в. до н. э. и шрифт которой, судя по воспроизведению ее В. В. Латышевым, ближе всего к шрифту новой надписи из Месамбрии.

Если мы обратимся к рассмотрению исторического развития Фракии во второй половине III в. до н. э., то увидим, что датировка надписи, основанная на палеографических признаках, соответствует исторической обстановке на Балканском полуострове именно в то время.

Текст новой надписи гласит:

- ΙΘΙΣ Σαδάλα ὡς καὶ δυνα-
 τὸν τ]άχιστα στεφανῶσαι δὲ αὐτὸν χρυσ[έ-
 ωι] στεφάνῳ εὐεργέταν ἔόντα τὰς πόλιος
 5. Διονυσίοις ἐν τῷ θεάτρῳ· δεδῶσθαι δὲ αὐ-
 τῷ καὶ ἐκγόνοις πολιτείαν καὶ προξενίαν
 καὶ προεδρίαν ἐν τοῖς ἀγῶσιν καὶ εἰσπλοῦν
 καὶ ἐκπλοῦν ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ· στεφα-
 10. νοῦσθαι δὲ αὐτὸν! καὶ καθ' ἕκαστον ἐνιαυ-
 τὸν στεφάνῳ στατήρων πεντήκοντα,

¹ «Известия на Бургасския народен музей», I (1951), стр. 7—22.,

² В этой краткой заметке мы не останавливаемся на разборе мнения И. Гълъбова, с которым мы полемизируем в статье «Към историята на Тракия и западного Черноморие от втората половина на III век до средата на I век преди н. е.» в «Годишник на философско-историческия факултет», т. XLVII, София, 1952, особенно стр. 110—119.

- τὸν δὲ ταμίαν τὸν ὄρκον καὶ τὰς ὁμολογία[ς]
 γράψαντα εἰς στάλαν λιθίναν κοῖλα γράμ-
 ματα ἀναθέμεν εἰς τὸ ἱερόν τοῦ Ἀπολλ-
 λωνος παρὰ τὰς στάλας τῶν προγόνων
15. Μοψοῦστιος καὶ Ταρουτίνου καὶ Μηδίστα
 καὶ Κότυος
 Ὁμολογία Σαδάλα καὶ Μεσαμβριανῶν
 Αἱ τινὲς καὶ ἐκπίπτωσιν Μεσαμβριανῶν
 [εἰς τὰν] Σαδάλα ἀποδιδόντες τῶν ναύλ[ων
] καὶ ἡμιστατήρ[α . . .]

«...[восхвалить?] Садала как можно скорее; и увенчать его золотым венком, как благодетеля города, на Дионисиях в театре; дать ему и потомкам его гражданство, проксению и проэдрию на состязаниях и (право) входить и выходить (из гавани) неприкосновенно и без договора. Увенчивать же его ежегодно венцом в пятьдесят статеров. И пусть казначей, написавши клятву и (условия) соглашения на мраморной плите вырезанными буквами, поставит ее в святилище Аполлона возле стел его [Садала] предков — Моисестия, Тарутина, Медиста и Котиса.

Соглашение Садала и месамбрийцев: те из месамбрийцев, кто [будет] выброшен (морем) на (землю) Садала, пусть заплатят от (стоимости) груза.... и половину статера...»

Сохранившийся текст составляет, повидимому, половину или две трети всего документа, состоявшего, вероятно, из трех частей: 1) присяги, принесенной обеими сторонами, т. е. Садалом и месамбрийцами, при заключении договора; 2) постановления месамбрийцев о даровании почестей Садалу; 3) текста конвенции о судоходстве, заключенной вновь или возобновляющей существовавшее ранее подобное соглашение.

Из новой надписи мы впервые узнаем о существовании театра не только в Месамбрии, но и вообще в западнопонтийских полисах. Это известие позволяет судить о культурной жизни полиса, а также и о том, что в Месамбрии, как и в Каллатисе¹, культ Диониса был весьма распространен и пользовался особым почитанием среди народных масс.

Из привилегий, данных Садалу и обычных для декретов о проксениях, следует отметить право «входить и выходить (из гавани)». Это показывает, что во второй половине III в. до н. э. фракийские племена на побережье Черного моря уже настолько развили мореходное дело, что их правители играли значительную роль в морской торговле и мореплавании. Указанная черта отражает тот высокий уровень общественно-экономического развития, которого достигли в это время фракийцы.

Интересно отметить, что в формуле «входить и выходить (из гавани) неприкосновенно и без договора» пропущены обычные для подобных декретов условия: καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης. Этот «пропуск» дает основание полагать, что взаимоотношения между Садалом и Месамбрией в прошлом, равно как и ко времени составления текста надписи, не были проникнуты духом безусловного доверия.

Наибольший интерес представляют имена самого Садала и его предков — Моисестия, Тарутина, Медиста и Котиса. Это несомненно фракийские имена, причем имя Моисестий является новым во фракийской ономастике. Для историка особенно важно выяснить вопрос о том, кто такой Садал и его предки. К имени Садала не прибавлено никакого титула, между тем как обычно в декретах западнопонтийских городов титулы династов указывались². Возможно, что Садал и его предки были достаточно известны в Месамбрии и упоминать их титулы не было необходимости. Возможно и другое предположение, что титулы Садала были перечислены в первой половине надписи, не со-

¹ Хр. М. Д а н о в, Западные бряг на Черном море в древности, София, 1947, стр. 92 и сл.

² Например, в надписях из Аполлонии (J O A I, XV, 1912, стр. 95 и сл. и XXX, 1936, стр. 89 и сл.; Е. К а л и н к а, стр. 373, № 157).

хранившейся, и в последующем тексте не упоминались, как это часто встречается в надписях в честь боспорских правителей¹.

Общий тон декрета позволяет утверждать, что Садал и его предки были членами правящего царского рода. Однако они не могли принадлежать к главной линии одрисской династии, судя по тем данным о родословной царей одрисов, которые у нас имеются. Имя Садал в одрисской династии не встречается вовсе, а упоминаемый в новой месамбрийской надписи Котис не может быть идентифицирован ни с одним из известных Котисов одрисской династии (например, SIG, № 438), так же как и с Котисом декрета из Аполлонии (JAOI, XV, 1912). Здесь я полностью расхожусь с И. Гьльбовым, который считает упомянутых в новом декрете лиц членами одрисской династии.

Этот вопрос может быть разрешен только на основании тщательного изучения обстановки, сложившейся во Фракии после вторжения туда кельтов и образования там кельтского царства. Бесспорно, что в III—I вв. до н. э. во Фракии существовало несколько царств, управлявшихся отдельными царскими родами. Помимо одрисской династии, существовали сапейская и астейская (U. Kahrstedt, RE, XI, стр. 1553 сл.). В царском роде астов, который правил на юго-восточной окраине древней Фракии в I в. до н. э. (столицей его была Бизия) и власть которого простиралась и на часть современной болгарской территории, цари с именами Котис и Садал постоянно сменяли друг друга. Мы полагаем, что в новой надписи из Месамбрии идет речь о ранних представителях астейской династии. При этом мы исходим не только из географического расположения племени астов и из имен Садала и его предков, но прежде всего из тех фактов, которые сообщает античная историческая традиция и которые до сих пор не привлекали еще достаточного внимания. Важно то, что ни Геродот, ни Фукидид, ни Ксенофонт не упоминают об астах. Впервые о них говорит Полибий (XIII, 10, 10); упоминает их также и Ливий, рассказывая о событиях II в. до н. э. (XXXVIII, 40, 7). К этому же времени относится декрет из Месамбрии в честь одного аста (SIG, II, 2053 b).

Эти данные позволяют заключить, что именно в III в. до н. э. племя астов стало особенно могущественным. Начало этого процесса относится еще ко времени после Пелопоннесской войны, когда происходило ослабление одрисского царства. Выделение самостоятельного княжества астов, вероятно, было одновременно с македонским и кельтским завоеваниями на Балканском полуострове, а усиление и процветание его имело место после исчезновения кельтского царства в Тиле.

Приведенные данные показывают, что упомянутые в месамбрийской надписи династы могли принадлежать именно к племени астов. Допуская, что Котис был отцом Садала, следовало бы признать, что Медист, Тарутин и Мопсиестий были соответственно дедом, прадедом и прапрадедом Садала. Если предположить, что каждый из предков Садала правил от 20 до 30 лет, то получится, что Мопсиестий был по меньшей мере современником Филиппа II Македонского. Если это предположение верно, то оно показывает, что даже во времена Котиса I одрисского (около 383—360 гг.), при котором одрисское царство было значительно централизовано, на юго-восточной окраине Фракии существовали другие обособленные фракийские княжества.

Значение новой надписи для изучения политической истории Фракии и западного Черноморья в IV—III вв. до н. э. огромно. Она является важнейшим источником, освещающим экономические и культурные взаимоотношения между фракийскими племенами и греческими полисами западного Понта. Надпись из Месамбрии является новым ярким документом, указывающим на существование договорных отношений между фракийскими династиями и греческими городами. Политические договоры известны и в Северном Причерноморье (например, с новой надписью по форме сходен договор Фарнака I с Херсонесом Таврическим, IOSPE, I², 402), и в эллинистическом мире (укажем, что наиболее близкими отношениям Садала и Месамбрии были отношения между вифинским царем Зиаеласом и жителями Коса, SIG, № 456), но во фра-

¹ IG, II², 242 и II² 653; ср. A. A u m a r d, Le protocole royal grec et son évolution, REA, т. 50, 1948, стр. 237 и сл.

кийской эпиграфике подобных документов ранее известно не было. Не исключена возможность, что клятва и некоторые условия соглашения, которые содержались в утраченной ныне первой части надписи, упорядочивали отношения между племенами юго-восточной Фракии и Месамбрией и, может быть, даже предусматривали взаимную военную помощь договаривающихся сторон.

Месамбрийская надпись показывает, что этот греческий город и соседние фракийцы, асты, были постоянно экономически заинтересованы друг в друге. Эти взаимные экономические интересы охранялись договорами не только в III, но даже и в IV в. до н. э. Существование договоров ясно свидетельствует, что как Месамбрия, так и асты были заинтересованы в сохранении дружественных отношений в самые различные исторические периоды. Особенно нуждалась в сохранении делового контакта Месамбрия, которая была заинтересована не только в вывозе своих товаров соседям, но и в безопасности морской торговли с Византием и Калхедоном.

Очень важно, как указывалось выше, свидетельство новой надписи об участии фракийских династов в судоходстве и торговле на Черном море. Это уже не пиратство и не осуществление берегового права, о котором рассказывает Ксенофонт в VII книге Анабасиса¹, а равноценное участие в морской торговле. Договор предусматривает право князя астов пользоваться гаванью Месамбрии для своих кораблей. Это изменение в отношениях между греками и местным населением показывает, что во второй половине III в. до нашей эры асты по своему развитию превосходили другие фракийские племена. Известно, что торговля велась не только правителями астов, но и другими представителями племенной аристократии (см. SIG, II, 2053b).

Таким образом, новая надпись является чрезвычайно ценным источником, освещающим очень сложную картину экономических и политических связей западнопонтийских городов с соседними фракийскими племенами².

Хр. М. Данов
(София)

¹ Слабым намеком на существовавшее некогда береговое право можно считать то условие договора, по которому с кораблей, выброшенных морем на территорию Садала, царю уплачивали какую-то долю стоимости груза. Эта статья соглашения гарантировала интересы Месамбрии.

² В упомянутой статье «Към историята на Тракия и Западного Черноморие...» мы подробно останавливаемся на вопросах истории Фракии в эллинистическую эпоху в свете новых эпиграфических данных, появившихся за последние два десятилетия.